

Лидия Андреевна Сычёва родилась в селе Скрипниково Калачеевского района Воронежской области. Окончила исторический факультет Воронежского государственного педагогического института, Литературный институт им. А.М. Горького. Работала корреспондентом «Учительской газеты», обозревателем журнала «Российская Федерация сегодня». Главный редактор журнала «МолОко». Автор нескольких книг прозы, публицистики и литературной критики. Лауреат литературной премии им. П.Л. Проскурина, премии журнала «Москва», Большой литературной премии России. Член Союза писателей России. Живет в Москве.

Лидия Сычёва

ОБЕЩАНИЕ

Рассказы

Нет, ничего, не волнуйся, пройдет, — успокаивал он Ольгу, держась за левую сторону груди. — А если не пройдет?! Потерпи, у метро должен быть аптечный киоск.

Но вместо аптечного киоска здесь появился теперь ларек «Косметика».

— Тьфу! — она не могла сдержать досады.

Зато на площадке у входа в метро стояла «скорая». Ольга подошла к водителю:

— Человеку плохо с сердцем...

Она услышала себя как бы со стороны — умоляющие, жалкие интонации.

Водитель сонно взглянул на нее и с раздражением выдал:

— А я причем?! Бригада в отделении милиции, их вызвали.

— Пошли, пошли, — безнадежно махнул рукой Илья.

В смятении она вошла на станцию метро «Баррикадная». И тут — о счастье! — в углу справа, возле пункта охраны общественного порядка, Ольга увидела врачей «скорой» — в синей униформе, с оранжевым чемоданчиком.

— Человеку плохо с сердцем, помогите, пожалуйста! — с надеждой бросилась она к ним, показывая на Илью.

Бригада состояла из маленькой, миловидной женщины с усталым, измученным

лицом (медсестра) и высокого, костистого парня, некрасивого, с прыщами, с серьгой в ухе.

— Что случилось? — дежурно спросил парень и стал щупать пульс. — Да, стучит! — почти радостно подтвердил он. — Здорово стучит!

— Ну так делайте что-нибудь!

— А мы не можем, — весело объяснил парень. — У нас наряд не закрыт. Мы сейчас вам бригаду вызовем по «маячку», — и парень действительно стал жать на кнопки рации: — 28-й, 28-й, мужчина с сердечным приступом, тахикардия — сколько лет? — обратился он к Ольге. — 52 года, пульс — 180 ударов в минуту. Возле пункта охраны порядка, на станции...

Илья сидел на подоконнике, прижав руку к груди.

— Может, мы пока кардиограмму снимем? — нерешительно спросила у парня медсестра. Он досадливо махнул рукой — мол, иди, не указывай.

Илья держался за сердце.

— Стучит? — заботливо спросила Ольга.

Он кивнул.

Парень тем временем рассказывал, что они торчат здесь уже два часа, что один чудик разбил голову в «обезьяннике», но от госпитализации отказался, что вызывали конвой, а потом еще бабушка в обморок упала... Ольга слушала вполуха, не понимая половины из его стрекота.

— Послушайте, — сказала она парню. — А если у вас на глазах человек умирать будет, вы что, без наряда ничего не сделаете?

— Ну, тогда, конечно, мы начнем реанимационные мероприятия. Но он не умрет, не переживайте, — парень бросил короткий взгляд на Илью и продолжил треп.

— А если его сейчас инфаркт хватит? — Ольга вклинилась в короткую паузу. Она чуть не плакала — от страха и жалости.

Парень взял Илью за руку, пощупал пульс. Вздохнул:

— Да, стучит...

— Стас, давай пока кардиограмму снимем, они приедут, а у нас все готово, — медсестра была умней и милосердней.

— Ну, ладно, — нехотя согласился парень. — А где?

— Да вот тут, — медсестра махнула в открытую дверь опорного пункта. — Проходите, — она взяла Илью за руку.

Ольге казалось, что она смотрит страшный сон со своим участием. Роль ее в этом «кино» жалка донельзя, но она не в силах повлиять на ход обыденной драмы, где есть главный герой, эпизодические персонажи и убогие декорации. Душа ее отошла от тела, висела где-то вверху, под сводами вестибюля «Баррикадной», и оттуда, с высоты, она видела Илью. Художника милостью Божией, которому, может, суждено умереть здесь — рядом с бомжом; тот, скрючившись, лежал в «обезьяннике».

В милицейском закутке стоял кошмарный запах мочи, затхлого тела, кислое амбре от грязного тряпья, в которое был облачен бомж. Пол возле клетки был залит алой, праздничной кровью, тут же — застарелые пятна грязи на стертом линолеуме. Два милиционера сидели возле узкого окошка и смотрели в мониторы, за спиной у них стояла голая кушетка, здесь, наверное, они поочередно спали на дежурствах. Вместо подушки лежала черная форменная сумка — как для противогаса; и вот на эту кушетку медсестра стала укладывать Илью, предварительно сняв с него пиджак, ослабив галстук и расстегнув рубашку. И то, что этот человек,

только что вышедший из роскошного зала, где сияли зеркала и звучала музыка Бетховена (они были на приеме в посольстве), умирал сейчас рядом с вонючим бомжом — в этом было что-то грозно-страшно-несправедливое!..

Медсестра заботливо ставила прищепки от аппарата на запястья и лодыжки, «груши» на сердце. Из зева умной машинки беззвучно поползла лента с огромными тупыми зубцами. Ольга видела, как Илья грустно-отрешенно смотрел на бомжа, на унылые милицейские спины, на кардиограмму... Она поняла, что сейчас разрыдается и что это — лишнее, потому что ему будет больней и хуже. Она вышла из закутка, смахнула слезы, вспомнила старый его наказ: «Ты должна быть сильной!», внутренне собралась.

Вовремя: подъехала, наконец, вызванная костлявым парнем бригада. Через пелену горя, туманящее сознание, Ольга мысленно выдохнула: «Слава Богу!»

Усатый врач, похожий на умного леща, сразу взялся за дело.

— Ставь катетер, — велел он напарнице. Медсестра, работающая с ним в паре, была медлительная, полусонная клушка, долго ладила иглу и, в конце концов, проткнула вену насквозь. Тотчас взбух синяк.

— Ничего, ничего, — успокоил ее Илья.

Ольга закусила губу, чтобы не закричать. Ее уже несколько раз — и милиция, и врачи — выпроваживали из закутка, но она все возвращалась. И теперь она увидела, как смертельная, аусковая бледность стала заливать лицо Ильи. Еще чуть-чуть и... Она лихорадочно стала припоминать слова молитв — в голове носились несвязные обрывки церковнославянских слов — секунды росли, стали огромными-огромными. Она держала время — как могла. Ей казалось, что весь небесный свод — на ее плечах, еще чуть-чуть — и небо ее расплющит, раздавит, уничтожит.

Долго, сонно, медсестра сбивала колпачки у ампул с лекарствами. Еще дольше удаляла пузырьки воздуха из шприца. «Поживи, пожалуйста, поживи», — мысленно твердила Ольга. «Не оставляй меня, пожалуйста!»

Наконец, клушка начала вводить лекарство.

— Вы что-то чувствуете? — озабоченно спросил врач.

— Пока нет, — Ольга видела, как Илья измотан, отрешен.

Снова включили аппарат, полезла лента кардиограммы. Зубцы стали пониже.

Врач кивнул, клушка добавила еще несколько миллилитров в вену. Держа Илью за запястье, врач смотрел на часы.

— Сто ударов.

— Да, полегче, — сказал Илья слабым голосом. Кровь прилила ему к лицу, оно стало бронзоветь, стареть.

Ольга вышла из будки. У входа стояли милицейский подполковник, милицейский капитан и женщина из низших чинов с крашеными черными волосами в пилотке, в мешковатой форме, делающей ее грузную фигуру тумбообразной; еще тут был старшина с животиком, без фуражки... Это были «люди подземелья»; все, даже подполковник, — с серыми землистыми лицами; люди-функции. Жизнь их проходила здесь, в вонючем закутке, где они сутками наблюдали одно и то же «кино» — турникеты с прыгающими «зайцами» и бредущими пенсионерами да бомжей в клетке. Ольга видела, что явление Ильи для них раздражающе — как привет из другого мира, им непонятного и потому враждебного.

Аппарат сняли, первая бригада наконец-то могла ехать. «Спасибо вам большое», — с чувством благодарила Ольга милостивую медсестру. Костлявого парня с серьгой она демонстративно не замечала.

— Медленно поднимайтесь, садитесь, — говорил тем временем лещ Илье. Клуша со слов Ольги заполняла лист оказанных услуг. («Мы все вносим в компьютер, — вспомнила Ольга треп костлявого парня. — У нас все под контролем».)

— Поезжайте наземным транспортом, никаких метро, — наставлял врач. — Вам надо бы обследоваться хорошо. — Он покачал головой и бросил понимающе-горький взгляд на Ольгу.

Наконец они могли уйти из опорного пункта. Илье благодарил милицию: «Спасибо, ребята. Извините, что мы вам помешали». Бомж все также лежал, скрючившись, беззвучно. У клетки адела кровь. Все осталось прежним — только они отсюда уходили: смерть отступила.

Они вышли на площадь у метро. Клубился народ. Бродячий ансамбль из барабанщика, гитариста и вокалиста пел и гремел — невозможно понять что. Машина «скорой» выворачивала с площадки — водитель, высунувшись в окно, говорил им: «Посторонитесь, пожалуйста».

— Надо было, наверное, им денег дать! — Илье все еще держался за сердце.

— Да они тебя чуть не угробили!.. — у Ольги от напряжения стучало в висках.

Ансамбль колотил в барабаны. Бибикали машины. Медленно, в потоке авто, катил троллейбус.

— Возьмем такси.

— Нет, — Илье, как всегда, был прав. — Мы будем ехать по пробкам часа четыре. Пошли в метро.

В вагоне толпился народ — час пик. Они проехали одну остановку, прежде чем Ольга догадалась согнать молодого кавказца с места. Тот, впрочем, охотно вскочил. Сосед его встал сам, уступая место Ольге. Она села и тут, наконец, горько заплакала, закрыв лицо руками, не в силах больше сдерживаться. Она все переживала пережитое и ужасалось пропасти, в которую заглянула — жизнь без Ильи. Умереть вот так, от чужого непробиваемого равнодушия, в том числе, и Ольгиного — теперь она поняла, что могла быть понапористой, потребовательней и что в ней тоже жила доля равнодушия — мол, «так пройдет». Теперь было ясно, что чисто случайно Илье пережил этот приступ, по воле Божьей. А может, в этот вонючий закуток на ментовскую жесткую кушетку присел белоснежный, с искрящимися крыльями Ангел-хранитель?! Настанет время, и там, за порогом жизни и смерти, она все узнает, да только захочет ли она этой правды?!

— Не плачь, не надо, — мягко утешал ее Илье, и мысль о том, что она всхлипами и слезами причиняет его сердцу боль, заставила ее сжаться и утихнуть.

Они вышли на Кузнецком мосту, сделали пересадку на Лубянку: тут, к счастью, вагон был полупустой, и они поехали к Фрунзенской спокойно.

— Хорошо, что ты была со мной, — сказал Илье.

— Да, — она кивнула.

А сама подумала: хорошо ли? Может быть, без нее он сразу бы вызвал «скорую», а не ходил бы с бешеным сердцебиением! Они молчали, держась за руки, переживая произошедшее.

И тут она вспомнила: много-много лет назад, когда она еще и не подозревала о существовании Ильи, она ехала в метро с Юго-Западной, прислонившись к дверям. В углу напротив стоял немолодой мужчина с красивым, благородным лицом. Он смотрел на нее внимательно, не отрываясь. Во взгляде его не было ничего грязного или оценивающего, но от настойчивой пристальности Ольга чувствовала себя неловко. Она смутилась, опустила глаза. Потом подняла — мужчина все смотрел, теперь уже радостно, узнав, будто она ему была дальней родственницей, которую он наконец-то вспомнил. Он шагнул к ней:

— Вы извините, что я вас так изучаю. Я — художник, реставрирую иконы. У меня возникла трудность: никак не мог уловить одну тонкость — выражение глаз... Вы очень похожи на ангела — с южнорусских икон.

Услышанное было так неожиданно, что Ольга потеряла дар речи. Она? На ангела? Целый рой страшных, непростительных грехов пронесся в ее сознании, таких, что она бы никогда не рискнула в них признаться. Никогда!

— Я? Ну что вы... — Она смешалась.

Поезд подъехал к Фрунзенской, и художник, улыбнувшись, вышел. Под мышкой у него был плотный сверток ватмана.

Вернувшись домой, она долго рассматривала себя в зеркале. Черные брови, карие глаза. Черная галочья стрижка «перьями». Оливковый цвет лица. Нежные губы.

Она прочно забыла об этой встрече. И вот теперь вспомнила — так ярко, ясно. Это было... Когда же это было?.. В 93-м году, она ехала с собеседования — в глубокой нужде. Искала работу. Осенью. Был или не был уже расстрелян Дом Советов? Трудно сказать. Боже мой, в стране что творилось, а тут иконы, ангелы!..

И вот теперь поезд мчал к станции Фрунзенская. Правда, с другой стороны.

Она взяла руки Ильи и прижалась к ним губами. Она любила его! Этим все было сказано.

* * *

Поздним вечером того же дня она звонила со служебного телефона (на мобильнике кончились деньги), с пункта охраны.

— Александр Изотович?

— Да-да.

— Это Ольга Муромова вам звонит, добрый день.

— А, Оля, рад, рад, мне Илья Николаевич говорил...

— Александр Изотович, вы хорошо меня слышите? — Ольга старалась, чтобы голос ее звучал доброжелательно.

— Сейчас, я выключу телевизор. Да, я слушаю.

— Александр Изотович, я внимательно посмотрела ваше интервью по «Культуре», где вы говорите о том, что Илья Николаевич — тщеславный человек, конъюнктурщик. Так вот, я хочу вам сказать, — Ольга глубоко, как перед погружением, вдохнула, — Вы — обыкновенный мерзавец.

— Ой, ну что вы, я же Илье звонил, я ему сказал, чтобы он этим словам не придавал значения, это моя дипломатия, я его хочу вывести на новый уровень, чтобы его имя звучало на федеральных каналах...

— Слушайте дальше, не перебивайте меня, — голос ее звенел от волнения. — Второе. Сегодня, после вашего интервью, у Ильи Николаевича

на станции метро «Баррикадная» случился сердечный приступ. Его спасали две бригады «скорой помощи». И я дала себе слово, что если он умрет, я куплю пистолет и пристрелю вас. Я бы убила вас и ни секунды не жалела бы.

На другом конце трубки установилась мертвая тишина.

— Третье. Когда меня стали бы судить, я бы сказала, что убила вас совершенно сознательно, потому что знала, что за вас много не дадут — не больше, чем за бомжа, который подбирает куски у помоек.

— Но я же... — Ошарашенный собеседник попытался вставить слово.

— Вы ничего не поняли! — Ольга волновалась, но говорила твердо и четко. — Тогда возвращаемся к пункту первому. Вы — обыкновенный мерзавец, напишите это на бумажке, прикнопьте к стене и каждое утро начинайте с перечитывания этой истины. А телефон Ильи Николаевича забудьте. И никогда больше к нему не приближайтесь ближе, чем на два километра. Все, пока. — И она с облегчением повесила трубку.

— Четко! — воскликнул охранник Андрей, светлолицый улыбчивый парень, который слушал разговор, открыв рот.

— А как быть?! — она картинно развела руками. — Зло следует карать немедленно.

Она вышла на улицу. Все вроде бы пришло в равновесие. Но тяжесть пережитого на «Баррикадной» давила на сердце. Ей все казалось — даже теперь: она что-то «не дотянула», не сделала, как нужно. И от этого чувства она морщилась, глубоко вздыхала, и мысленно обещала этому ласковому, сияющему богатыми огнями вечеру — стать лучше, чем сейчас.

ИДЕЙНЫЙ КАРЬЕРИСТ

В лице Юрия Порфирьевича Тенькина, кандидата философских наук, есть что-то несерьезное. Бывают такие люди: вроде и умные, и с убеждениями, и в семье у них все благополучно, а все равно — не хватает какой-то малости. Ну, как в неудавшемся борще — то ли подсолить его надо, то ли поперчить, то ли доварить — трудно понять, в чем «недостача», когда борщ уже разлит по тарелкам.

К Наденьке Юрий прибежал жаловаться на начальника отдела Шмелева.

— Ужасно он оскорбил меня! Ужасно!

— Что, нецензурно?

— Обозвал козлом.

— Ха-ха! Какие высокие отношения!

— Напрасно смеетесь, Наденька. Это, знаете ли, весьма обидное для мужчины оскорбление. Если бы мы жили в XIX веке, я бы на дуэль его вызвал. Помните, в прошлый раз, когда я у вас сидел, он мне позвонил и говорит: «Вы где?» А я ответил, мол, в туалете. Он аж взвился: «Зачем вы мне это говорите?» — «Так вы ж сами спросили!..» Какой деликатный, с тонкими фибрами души, почувал, что я у вас, начал названивать. Отслеживает каждый шаг, шпионит за мной. А я, Наденька, не мог к вам не прибежать! Ах, какая вы чудесная женщина!.. Вы людей вскрываете, как консервные банки. Я вас увижу, у меня душа нараспашку — не могу сдержаться себя, все выкладываю. В чем секрет вашего обаяния?

— В чае, наверное. — Наденька смеется, двигая корзиночку с печеньем в сторону Юрия Порфирьевича.

— Вы пользуетесь тем, что я сладкое люблю, конфеты, чай, вот я вам все и выбалтываю. Но, извините, не могу почему-то остановиться.

— Пою вас чаем, гостюю, и все не в коня корм. Что же вы так оплошали? Надо было его хотя бы бараном обозвать. Или сказать: «Тьфу, мерзость!» Вы же беретесь защищать русскую идею, о духовности проповедуете. Нельзя, чтобы слово с делом расходилось.

Юрий складывает губы бантиком, будто невинная девица.

Наденька продолжает:

— Я вижу, вы упиваетесь своей ролью — безответной жертвы.

— Что вы, Наденька! Я страдаю! — светло-голубые глаза Юрия, действительно, как бы подернулись слезой. — То, что Дмитрий Сергеевич меня оскорбил, это ладно, это ничего. Но он против православия выступил!

— У-у! — деланно удивляется Наденька. — Он же такой благочестивый, весь кабинет иконами завешан.

— Да-да, очень он любит о божественном толковать. Когда вы мне прислали ссылку на статью, где пишут, что он жену бил, потом бросил ее с тремя детьми, ушел из дома к артистке жить и все иконы с собой унес, я не поверил вам, Наденька.

— Не я же статью писала! Случайно наткнулась, думаю, надо познакомиться Юрия Порфирьевича с биографией его благодетеля.

— Ценю вашу заботу! Но — не поверил. Подумал: клевета, чем ближе человек к Богу, тем больше на него поклепов темные силы возводят. И вас, Наденька, грешным делом, отнес к невольным орудиям в руках лукавых.

— Очень цветисто плетете! — фыркнула Наденька.

— Не обижайтесь, я вам все как на духу выкладываю, не таясь. Потом, все-таки он благодетель мой: выцепил из Тулы, где я бы и поныне прозябал, вульгарно пересказывая Канта будущим судебным приставам или пожарным. А тут — масштаб, дело большое! — Юрий даже вскочил, замахал длинными руками. — Никогда не забуду звездный час мой, когда Дмитрий Сергеевич после конференции в институте истории говорил приватно: «Мы создаем отдел государственной культуры. Собираем лучшие кадры страны. Вам такая работа интересна?» У меня даже колени затряслись. Такие предложения раз в жизни бывают!

— Небось когда Канта курсантам пересказывали, вас козлом не обзывали, — напоминает Наденька.

— Да, вы правы, — в раздумье морщит лоб Юрий Порфирьевич. — Не ожидал я такого унижения!.. И от кого? От своих же!.. Но! За русскую идею и пострадать можно. И когда вы сообщили мне неприятные факты о благодетеле моем, я все же, поколебавшись, стал искать в интернете следы этой истории. И — о ужас! Дмитрий Сергеевич даже в телешоу участвовал, где объяснял, почему к артистке ушел. Любовь, видите ли, им завладела. И я стал присматриваться к нему и понял... — Юрий снижает голос до шепота и воровато оглядывается. — Это садист, страшный человек!

— Успокойтесь, — говорит Наденька, — особняк старинный, тут стены полтора метра толщиной, вас никто, кроме потусторонних сил, не услышит.

— Именно! Они все слышат. Потом я, знаете ли, по привычке таюсь... Везде теперь прослушки ставят. Так вот, у нас с ним была беседа о ценностях. Он Иуду оправдал! Говорит: если бы Иуды не было, не было бы и мученической смерти Христа, и воскресения, и спасения нашего.

— Бред сивой кобылы.

— А он, представьте, верит в это! Я — плохой, — спохватился Юрий. — Я все это говорю, настраиваю вас против него.

— Не смешите, пожалуйста. Ваши духовные заблуждения на меня никак не повлияют.

— Тогда я еще расскажу! Он мне говорит: коррупция — это хорошо. Зачем с ней бороться, если на коррупции все держится? А ведь он чиновником высоким в мэрии работал и, видите, оправдывает преступления! Да там же прогнило все! — Юрий в ужасе выкатывает большие водянистые глаза, как будто действительно видит гадкие язвы на теле российской государственности. — А про справедливость сказал, мол, не надо справедливости, она только на небе, а на земле зачем нам про нее людям внушать?! А ведь человек духовно-нравственной политикой занимается, с молодежью работает.

— «Козла» за что получили? — напомнила Наденька тему встречи. — Неужто за справедливость пострадали?

— Нет, все гораздо хуже, — Юрий Порфирьевич низко опустил голову, помолчал. — Ладно, Наденька, я вам скажу. Даже если вы и разболтаете, пусть. Просто не могу в себе держать, настолько это чудовищно. Я вам вчера поведал, как Шмелев вызвал меня к себе и говорит: я вас освобожу ото всех работ по отделу, напишите мне кандидатскую диссертацию. За месяц. Я не понял сначала, о чем речь. Он мне повторил. Я тогда говорю: я вам завтра отвечу.

Всю ночь я думал, как ему отказать. То, что выдавать чужой труд за свой безнравственно — не аргумент для Шмелева, это я уже понял. Но написать диссертацию за месяц — невозможно!.. Я просто не справлюсь, я такими вещами никогда не занимался.

Пришел я утром к нему, весь взъерошенный, с воспаленными глазами. А он такой...

— ...Импозантный, холеный, — помогла Наденька. — Бородка подстриженная, усы — все, как у потомственного интеллигента-славянофила.

— Именно! У него костюм дорогой, с иголки, не то, что у меня — из универмага «Семья» по огромной скидке. Он монографию издал по русскую идею в кожаном перелете с золотым тиснением. И резюме у него безупречное, такая карьера — о-го-го! Он на женщин производит неотразимое впечатление! Ну, кроме вас, Наденька.

— На меня только вы, Юрий Порфирьевич, впечатление производите. Я уж думала, что такие типажи давно вымерли. Но, оказывается, сохранились кое-где, в заповедных местах вроде Тулы. Вы будто со страниц романа Достоевского сошли.

— На «Идиот» намекаете?

— Не льстите себе! — рассмеялась Наденька.

— Ах, как вы все-таки умеете поддеть! — восхитился Юрий. — Чувствительно, но, в общем, не обидно. Так вот, я говорю Шмелеву: Дмитрий Сергеевич, я для вас подготовил распечатку, сведения, сколько стоит диссертация «под ключ» у мошенников, которые этим промышляют. Но даже они за месяц не берутся сделать. Я бы вам и бесплатно помог, по-дружески. Но сейчас строго с защитами, не могу на себя такую ответственность взять.

Он посмотрел на ценники, которые я принес, и говорит: «Забудьте наш разговор! Я вас хотел проверить: честный вы человек или нет. Способны ли вы на подлость, чтобы понравиться начальнику? Вы испытание

прошли. Идите и работае над духовно-нравственным кодексом госслужащего. Мы должны в этом месяце документ в администрацию президента сдать».

Я, окрыленный, побежал к себе, не чуя ног от радости.

Шмелев усыпил мою бдительность, а сам пошел к директору и говорит ему: «Степан Игнатьевич, Тенькина надо выгнать. Он малопродуктивен и малополезен».

Наденька громко и с большим удовольствием расхохоталась.

Юрий подождал, когда стихнет веселье, и скорбно продолжил:

— Хотя он даже формально мне вменить ничего не мог! Да, я два раза пришел на работу не к девяти утра, а к двенадцати. Но я в другие дни позже уходил! У охраны все отмечено. Потом, я же не крепостной! Я — ученый.

— Плох тот ученый, Юрий, кто не способен за шефа диссертацию сострять.

— Ага... И тут меня вызывает Степан Игнатьевич. Я, естественно, не зная этих интриг, вхожу к нему в бодром расположении духа. (Начальство любит, когда сотрудник полон сил, излучает энергию. Оно видит, что не зря деньги платит.) Принес ему в папочке первые главы «Кодекса...» посмотреть.

А директор мне с улыбкой говорит, едва я на порог ступил: «Юрий Порфирьевич, я вас извещаю: приходил Шмелев и попросил вас уволить».

— А вы?

— Я онемел! Я был так потрясен, что слова не мог вымолвить. Не помню, как сел, даже без приглашения, кажется.

А Степану Игнатьевичу ситуация нравится до невозможности, он же игрун у нас, демиург, а тут пожалуйста — «кошки-мышки» вживую. Ну, насладился он произведенным эффектом и продолжает: «Ступайте к Шмелеву и передайте ему, что с сегодняшнего дня вы напрямую мне подчиняетесь».

Я говорю: «Хорошо». А сам — как в воду опущенный.

И тут Степан Игнатьевич спрашивает меня: «А правда ли, что Шмелев просил вас диссертацию за него написать?»

— О! — воскликнула Наденька. — Как интересно!

— Меня эти слова как громом поразили: кто же сказал ему, кто? Неужто вы, Наденька? Я же только вам говорил, я с вас слово взял, что разговор между нами! Меня такая боль пронзила, когда я вообразил, что вы меня предали, — глаза Юрия повлажнели. — Но потом я отмел эту мысль. Вы слишком оригинальная, не знаю даже, с кем вас сравнить...

— Единственная и неповторимая!

— Да! Вы не будете в «тараканьих бегах» участвовать, вы...

— ...гений чистой красоты!

— Совершенно верно. Причем недостижимый. Вы в эмпиреях, вдали от забот суетного света пребываете. И я понял, что Шмелев сам директору проболтался, а теперь хочет от меня избавиться, чтобы не было свидетеля его низости.

И тогда я говорю Степану Игнатьевичу резко:

— Вы знаете, я не хочу этот вопрос обсуждать, он мне неприятен, простите, — и выскочил прочь.

Что делать мне? Я написал Шмелеву по электронной почте письмо, что был у директора и что с этого часа поступаю в прямое распоряжение Степана Игнатьевича.

Дмитрий Сергеевич тут же пришел ко мне и стал кричать, что я неблагодарный, сутяга, карьерист — два месяца всего проработал, а меня уже директор повысил, забрал к себе. А я должен был отказаться от этой чести и остаться у Шмелева!

— Нахал.

— Да! А я успокоился к этому моменту совершенно. И говорю ему: «Дмитрий Сергеевич, я не сутяга, я пришел сюда русскую идею продвигать, особый путь российской цивилизации, в который верю. Я абсолютно бескорыстно работаю, у меня зарплата в два раза ниже средней по Москве. Живу в общестии, без семьи, как монах. За что вы меня просили уволить? Что я вам сделал плохого?..»

И тут его перемкнуло! У него растроение личности, это в православии называется «прелесть».

— Хамелеон обыкновенный, — хмыкнула Наденька.

— Хуже! — вскричал Юрий. — Вы даже не представляете себе бездну его падения! Вы его видели нечасто! А я с ним два месяца проработал, каждый день встречался по нескольку раз, в долгие беседы вступал. Нет, все хуже! Вот вы машете, не верите, а я с бесом воплощенным дело имел!..

Тенькин выговорил это с такой страстью, экспрессией, что Наденька даже от него отодвинулась.

— Видите, вы от меня шарахаетесь, скажете: чокнутый! А я его на третий день раскусил!

Наденька улыбнулась:

— А чего ж молчали? Да еще заступались за него постоянно, когда я вам говорила, что Шмелев — аферист, альфонс. А вы — «благодетель, благодетель»!..

В глазах у Юрия мелькнула сумасшедшинка:

— Не хотел себя обнаруживать! Вдруг вы с ним в тайных сношениях, или скажите кому-то. Я же хитрый! — Юрий счастливо расхохотался. — Это на вид я — простоватый, дурак дураком. А я, — он погрозил пальцем небу, — я себе на уме!

— Юрий, мессия вы наш тулский, не льстите себе, — приземлила его Наденька. — Шмелев — обычный лжец. И вы его, кстати, провоцируете своими деликатностями. Ко мне он не приходит с предложениями об интеллектуальном рабстве.

— То есть я виноват? Падающего подтолкни? Девочка в короткой юбке идет — значит, кинься на нее, оскверни ее чистоту?..

— Ну уж. Вы же борец. За русскую идею якобы. Слишком вы картинно, напоказ, смиряетесь перед ним. Это же тоже грех — самоумаление.

— Да! Да! Да! — воскликнул Юрий. — Каюсь!

— Не паясничайте, лжесмиренец.

Юрий уронил голову, задумался. Потом вскинулся:

— Вот вы надо мной подсмеиваетесь, даже неприятные вещи говорите, но все равно не унижаете, не глумитесь. А Шмелев наслаждается властью надо мной. А все же на конференции не случайно он ко мне подошел. Это промысел Божий!

— Может, промысел, а скорее, расчет, — здраво заметила Наденька. — Видит, что перед ним провинциальный «валенок», и думает: «Ну, сейчас я его “обую”. Будет вместо меня пахать с горящим взором, да еще и благодарить, поклоны в храме бить, молебны заказывать. А я себе назначу двадцатикратную зарплату и заживу припеваючи во дворце с ар-

тисткой. Буду вздуть на “мерседесе”, вещать о консерватизме в телевизоре да учить дураков смиренню. Такой труд дорогого стоит! И пусть мне заодно Тенькин диссертацию напишет. Не помешает сия безделица биографии великого человека».

Юрий вздохнул:

— У нас со Шмелевым и раньше столкновения происходили, но так, по мелочи. Он же богослов, у него все по полочкам разложено. Вот удивительно все-таки, Наденька, я у вас хочу спросить: почему люди, не зная теории, поступают нравственно, по Писанию? И наоборот — многие, кто благочестие проповедует, часто действуют гадко, извращенно?

— Потому что все их теория — ложь и выгода.

— Наденька, вы прямолинейны иногда, но убедительны. А у Шмелева — иезуитство, блудословие! Я взял его статью, стал редактировать для научного сборника и вижу: это не по-русски написано! Больной человек сочинил. Я начинаю править, он упорствует: мол, видит так.

— А вы думаете, ваш новый благодетель, Степан Игнатьевич, лучше? За него тоже диссертацию написали.

— Не может быть! — Юрий в отчаянии сжал голову руками.

— Да он ни бэ, ни мэ, ни ку-ка-ре-ку в науке! Пустышка, хлыщ московский. У него папа «искусствовед в погонах», вот и пристроил сыночка на теплое место. А теперь вам, Юрий Порфирьевич, контрольный вопрос: как вы считаете, почему нами руководят безнравственные и безграмотные люди? Может, в этом суть «русской идеи»? — съехидничала Наденька.

— Мне надо осмыслить про Степана Игнатьевича, — забормотал Юрий. — Я... Это бездоказательное для меня утверждение! — он сжал в ладони баранку, она хрустнула.

Юрий потряс головой, как бы сбрасывая с себя морок.

— А Шмелев... — он оживился и продолжил с подъемом, — лицедей! Одна натура — благодетель, учитель. А другая — деспот, угнетатель, готовый уничтожить тебя. Вы никак не хотите понять мою простую мысль о том, что он в прелести пребывает и этим обольщает многих.

— Шмелев — обыкновенный прохвост, паразит, — припечатала Наденька. — Не рассказывайте мне сказки о потустороннем. Козлом он вас обозвал? Обозвал. А вы ему даже путем не ответили. А потом все на демонов сваливаете.

— Лжесмирненничество! Грешен я! — вскричал Юрий. — Шмелев, когда обвинил меня в сутяжничестве, стал разглагольствовать, какой я недостойный. А потом о своем величии начал вещать. Он с церковными иерархами общается, у него огромная поддержка в администрации президента, он — генерал, действительный государственный советник первого класса.

А я ему говорю: «Вы себя возвышаете, а это — гордыня! Православному человеку следует чуждаться ее!»

И тут, прямо на моих глазах, произошло чудесное. Он стих, задумался и будто в полусне вымолвил:

— Гордыня... Да, вы, пожалуй, правы.

И вышел!

А прежде хвастал: стоит ему мизинцем шевельнуть, и меня выгонят, и заступничество Степана Игнатьевича не поможет. Потому что Шмелев — выше!

А я ему объяснял: поймите, меня в Москву государственное дело по-

влекло, идея, для меня деньги — воздух; он нужен мне, чтобы дышать, без воздуха я умру, но я живу не для того, чтобы дышать!..

— Идеальный карьерист сто оправданий найдет, чтобы козла стерпеть, — подмигнула Наденька.

Юрий пропустил колкость мимо ушей и продолжил:

— А знаете ли вы, что у Шмелева — состояние? Он богатый человек, у него несколько миллиардов!.. Он учит верить в Бога, а сам никогда из святого Евангелия цитаты не скажет! Даже вы, Наденька, человек, как мне кажется, нецерковный, однажды сказали, когда я жаловался на начальство: «Не надо метать бисер перед свиньями». Я поразился тогда, как естественно вы Евангелие процитировали! Значит, оно в вас укоренено, может, даже против воли. А Шмелев — нет, он, как черт ладана, Евангелия шарахается. Он свои истины глаголет, парадоксальные.

— Что без коррупции никак, на ней все держится?

— У него много таких догматов! Помните, мы с вами к банкомату шли, вы мне денег занимали, надо было снять их? Помните?

Наденька кивнула.

— Родственникам срочный долг возвращал, денег занять, кроме вас, мне не у кого. Я вам тогда еще про скверноприбытчество толковал. Это когда человек получает жалованье за должность, а дела не исполняет. Шмелев меня попрекал грехом этим. И вот у банкомата люди стояли, очередь как на исповедь — на расстоянии!.. А потом каждый склонялся перед банкоматом, код набирал. Все как в церкви!.. Поймите, Наденька, сейчас надо с умом против таких, как Шмелев, бороться. Они сильны, у них — власть, деньги, должности. Пощечины делу не помогут. Главное — молитва, терпение. Согласны? — Юрий искательно заглянул Наденьке в лицо.

— Нет, не убедили, — Наденька улыбнулась.

— Ну, хорошо. Вы мне, наверное, из кокетства перечите, вы же умная женщина, все понимаете!.. А лично для вас — русская идея в чем?..

— В борще!

Наденька расхохоталась, видя ошарашенное лицо Юрия.

— В борще, в борще и еще раз в борще. В капусте, в морковке, в бульоне наваристом. С любовью надо готовить, понимаете?! С хорошим настроением на стол подавать. Истина — в настоящем, наваристом борще, чтобы ложка стояла. А у нас пока так: дым густой, а борщ — пустой. Все, Юрий, прощаемся, мне работать надо!..

